УДК 324
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88

Сравнительный анализ взаимосвязи риска терроризма и ограничений оппозиции на национальных выборах

Андрей Вадимович Новиков

Кафедра математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема сравнительного анализа взаимосвязи между ростом терроризма и существующими ограничениями для оппозиции на национальных выборах. Отдельно изучается влияние видов политических режимов, ограниченных и неограниченных типов выборов, а также различных показателей стабильности государств и их социально-экономического развития. В исследовании используется анализ описательной статистики и разрабатываются семь отрицательных биноминальных регрессионных моделей, охватывающих выборы в более чем 150 странах в период с 1970 по 2015 годы. В результате было доказано, что проведение правительством неограниченных выборов связано с увеличением уровня террористического насилия в недемократических странах, но со снижением уровня терроризма в демократических. При этом ограничение участия оппозиционных групп в выборах связано со снижением уровня террористического насилия в недемократиях, но с увеличением уровня терроризма в демократиях. В целом полученные выводы свидетельствуют о достаточно сильной и значимой взаимосвязи типов национальных выборов и риска возникновения терроризма в странах с разными политическими режимами.

Ключевые слова: терроризм, выборы, оппозиция, политическое насилие, регрессионный анализ

Для цитирования: Новиков, А. В. Сравнительный анализ взаимосвязи риска терроризма и ограничений оппозиции на национальных выборах / А. В. Новиков. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 67–88.

A comparative analysis of the relationship between the risk of terrorism and the restrictions of the opposition in national elections

Andrey V. Novikov

Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the issue of a comparative analysis of the relationship between the rise of terrorism and the existing restrictions on the opposition in national elections. It gives an analysis of the influence of the types of political regimes, limited and unrestricted types of elections, as well as various indicators of the stability of states and their socio-economic development. The author of the article uses descriptive statistics analysis and develops seven negative binomial regression models that take into account choices in more than 150 countries between 1970 and 2015. The result proves that the government's holding of unrestricted elections is associated with an increase in terrorist violence in non-democratic countries, but with a decrease in terrorism in democratic ones. At the same time, restricting the participation of opposition groups in elections is associated with a decrease in the level of terrorist violence in non-democracies, but with an increase in the level of terrorism

in democracies. In general, the data obtained indicate a strong and significant relationship between the types of national elections and the risk of terrorism in countries with different political regimes.

Keywords: terrorism, elections, opposition, political violence, regression analysis

For citation: Novikov, A. V. (2022). A comparative analysis of the relationship between the risk of terrorism and the restrictions of the opposition in national elections. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 67-88. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88

Введение

Выборы почти повсеместно распространены во всех странах мира. Они являются обычным явлением как в демократических, так и в авторитарных государствах. Как таковое проведение выборов само по себе не квалифицирует страну как демократическую [1]. Действительно, в то время как рост числа избирательных демократий более чем удвоился с момента окончания холодной войны, рост числа либеральных демократий по сравнению с ними остается скромным. Это, возможно, свидетельствует о «стеклянном потолке» для стран, которые прошли демократический порог [2]. Одной из причин этого может быть то, что лидеры обычно разрабатывают процедуры выборов, которые нарушают демократические нормы, чтобы загнать в тупик деятельность оппозиции. Это исследование сосредоточено на том, как манипулирование участниками общенациональных выборов влияет на вероятность насильственной реакции со стороны групп, выступающих против правительства. В частности, ставится такой вопрос: улучшают ли ограничения на участие оппозиционных групп в выборах или усугубляют уровень насилия?

Насилие обычно представляет угрозу процедурам выборов. Тем не менее, связь между выборами и насилием остается спорной. Правительства и представители оппозиционного сектора часто стараются вести себя хорошо во время проведения выборов, потому что граждане и международное сообщество могут следить за их поведением, и «хорошее» и честное поведение может быть вознаграждено политической поддержкой. Например, было замечено, что правительства снижают уровень репрессий в период выборов [3]. Сообщается, что группы боевиков, связанные с участвующими в выборах партиями, сокращают насилие, чтобы не отталкивать своих сторонников [4]. Однако множество исследований также связывают периоды выборов с различными формами насильственных и ненасильственных конфликтов [5]. Правительства не могут усиливать публичные формы репрессий. Однако было также показано, что они увеличивают уровень насилия за счет спонсорства доверенных негосударственных субъектов [6].

В то же время все эти расходящиеся между собой выводы могут и не быть противоречивыми. Скорее, возникновение насилия на выборах обусловлено их особенностями. Выборы — это возможность для оппозиционных групп бросить законный вызов официальной власти. Однако правительства контролируют качество этой возможности, определяя, в какой степени оппозиционные группы могут законно участвовать в выборах. Когда правительства разрешают участие оппозиции, это создает или укрепляет возможность для более умеренной политики между правительством и его противника-

ми. Связано это с тем, что умеренные лидеры привлекают общественную поддержку за счет экстремистов, что обычно приводит к фрагментации оппозиционного сектора. Причем экстремистам приходится относительно хуже, чем умеренным. Эти экстремистские группировки скорее всего прибегнут к насилию, пытаясь подорвать или испортить формирующуюся умеренность в политике [7]. Они делают это для того, чтобы вызвать недоверие между правительством и умеренными элементами оппозиционного сектора.

В настоящее время хорошо известно, что террористы более часто нападают в демократических странах [8]. Они делают это потому, что демократические правительства подвержены широким ограничениям их исполнительной власти, стремятся защитить гражданские свободы и допускают объединение меньшинств [8]. Кроме того, демократические общества также пользуются свободой печати и слова, что облегчает публичные вызовы правительству [9]. Выборы как важная характеристика таких обществ также являются основной мишенью террористического насилия [10].

Более поздние работы внесли дополнительный вклад в изучение взаимосвязи между демократией и терроризмом, сосредоточив внимание на конкретных аспектах политических институтов, которые объясняют различия в уровнях риска терроризма. Предполагается, что террористические атаки должны чаще происходить в странах с большим числом институциональных игроков, обладающих правом вето. Поскольку это страны (например, Италия, Бельгия и Израиль) с многопартийными парламентскими системами, они часто попадают в политические тупики [11]. При таких сценариях правительства неэффективны в решении проблем терроризма или недовольства, которые мотивируют граждан на требования изменения политики.

Другие аргументы опираются на литературу о причинах гражданской войны [12]. Более пропорциональное представительство должно снизить вероятность террористического риска, поскольку такая политическая конфигурация лучше учитывает и отражает интересы меньшинств [8]. В рамках этой позиции проводится мысль, что «внутрисистемные» группы с гораздо меньшей вероятностью возникнут в демократиях, имеющих систему пропорционального представительства и более высокое число избирательных округов, в то время как ни один из этих факторов не влияет на появление «антисистемных» групп [13]. С одной стороны, электоральная свобода может служить ключевым источником вариаций в институциональном дизайне, определяющим, когда выборы будут связаны с террористическим насилием. По мере приближения даты выборов демократии с низкой электоральной свободой больше страдают от нападений, поскольку ее отсутствие уменьшает возможности для законного выражения недовольства [10]. Но теории широкой социальной мобилизации могут плохо подходить для прогнозирования возникновения терроризма, который, как правило, является тактикой маргинальных субъектов. Институционализация со стороны пропорционально малых групп в качестве законных, но относительно незначительных политических субъектов увеличивает вероятность, что негосударственные субъекты прибегнут к насилию. Страны с большей этнической фракционностью сталкиваются с более высоким уровнем внутреннего терроризма по мере увеличения числа небольших партий, представленных в законодательном органе страны [14].

То, что значительная часть научной литературы о политических возможностях, способствующих терроризму, сосредоточена на демократических государствах, игнорирует эмпирическое наблюдение о том, что значительное число авторитарных государств также страдают от проблем терроризма. Террористы нацеливаются на автократические правительства, когда они создают высокие издержки для выражения мнений [15]; или сталкиваются с оппозицией, но не предоставляют ей площадок (законодательных органов), на которых они могут выразить свою позицию [13]; или имеют в своем распоряжении лишь узкий спектр стратегий принуждения и кооптации [16]. Изучение терроризма в автократиях подпитывается признанием того, что большинство авторитарных режимов страдают от низкого уровня легитимности, но допускают возможность некоторой формы политической конкуренции: «сочетание, которое может создать как недовольство, так и организационную динамику, которая, как считается, приведет к росту террористического насилия» [17].

Стоит признать, что, во-первых, выборы в настоящее время являются общей чертой для множества типов режимов, во-вторых, они часто подвергаются повышенному риску насилия. Существуют убедительные доказательства того, что периоды выборов могут быть более мирными, чем периоды без них. Это достигается благодаря необычайно «хорошему» поведению правительственных и оппозиционных субъектов, когда они находятся под пристальным вниманием международного сообщества [4]. Однако основная масса фактов свидетельствует о том, что периоды национальных выборов часто сопровождаются угрозами или фактическим применением насилия. Выборы в постконфликтных ситуациях часто являются особенно дестабилизирующим фактором, поскольку мирное строительство и сдержанность, которые они часто влекут за собой, могут предвосхищать потерю власти групп, которые все еще владеют оружием [5].

Конкуренция между правительствами и насильственными оппозиционными акторами из-за недостаточной общественной поддержки приводит к возникновению насилия внутри государства [18]. Исходя из этого предполагается следующее:

Во-первых, все правительства сталкиваются с оппозиционным сектором [19]. Взаимодействие между правительством и этой оппозицией занимает центральное место в процессах, определяющих, будут ли периоды выборов мирными или насильственными. Однако этот оппозиционный сектор характеризуется многочисленными группировками, борющимися за власть и выживание [20]. В первую очередь имеется в виду различие между умеренными и экстремистами.

Во-вторых, правительства делают стратегический выбор как в отношении того, проводить или не проводить выборы, так и в том, какой уровень оппозиции разрешен на выборах. В случае развитых демократий у правительств на самом деле нет выбора в отношении того, проводить или не проводить выборы. Хотя они могут выбирать, когда их проводить. Тем не менее, правительство может принять решение подорвать некоторые демократические принципы, ограничив участие определенных партий или групп в обществе, а также отложив или отменив выборы. Запрет партии Батасуны испанским правительством является примером подобного поведения.

В-третьих, участники оппозиционного сектора предпочитают использовать насилие или избегать его в зависимости от их оценки вероятного воздействия

как на внутренние (внутри сектора), так и на внешние (по отношению к правительству) конфликты.

В-четвертых, оппозиционные группы сталкиваются с решением участвовать или нет в выборах. Участвуя, они могут реально рассчитывать на получение выгод, включая поддержку со стороны широких слоев населения. Напротив, участвуя в правовой политике, они потенциально рискуют потерять доверие некоторой части своей основной базы поддержки, подорвать внутреннюю сплоченность внутри своих групп и размыть ясность своих основных требований [4].

Правительство выбирает характер оппозиции, которую оно допускает на выборы. Неограниченные выборы позволяют участвовать всем группам оппозиционного сектора. Ограниченные выборы определенным образом снижают участие оппозиции. Однако между этими двумя институциональными контекстами существуют важные различия в отношении вероятного воздействия ограничений. В демократических странах по сравнению с недемократическими неограниченные выборы имеют больший потенциал для того, чтобы принести пользу умеренным оппозиционным элементам и поставить в невыгодное положение более радикальные группы. Напротив, ограниченные выборы дают преимущество правительству по сравнению с оппозиционным сектором в недемократических государствах. В то время как в демократических, где такие ограничения нарушают распространенные нормы, скорее всего, будет верно обратное.

Литературный обзор

Неограниченные выборы и терроризм в целях подрыва политической умеренности. В принципе, выборы — это возможность для оппозиционных групп бросить вызов режиму. Однако, учитывая стратегическую среду, в которой взаимодействуют правительства и оппозиционные субъекты, у правительств есть стимулы контролировать характер этой возможности, определяя, в какой степени оппозиционные группы могут законно участвовать в выборах. Когда правительства решают разрешить неограниченное участие оппозиции, они помогают обеспечить ей доступ к возможностям добиться общественной поддержки. Разрешая неограниченные выборы, правительства также помогают создать возможности для умеренной, инклюзивной политики. Однако эта умеренность в политической среде не предвещает прекращения применения насилия. Действительно, в периоды, когда правительства идут на уступки жестоким противникам, довольно часто наблюдается рост насилия [21]. Политическая умеренность, таким образом, обычно ассоциируется с фракционностью оппозиционных движений. Возможность, предоставляемая этой умеренностью, «может усилить споры по поводу условий легального представительства, поскольку она благоприятствует одним фракциям и не нравится другим» [7]. Вероятно, в этом сценарии доступ к общественной поддержке будет неравномерно распределен между фрагментами оппозиции. Умеренные силы увеличат свою поддержку. Как следствие, экстремисты, выступающие за продолжение применения насилия, скорее всего, столкнутся с сокращением общественной поддержки. Это приводит к усилению тенденции использования насилия экстремистскими элементами с целью испортить возникающую умеренность в политике [7].

Решение испортить ситуацию представляется извращенным и даже контрпродуктивным, учитывая, что одним из наиболее важных условий террористического насилия является ограниченная способность меньшинства удовлетворять свои недовольства посредством участия в политическом процессе [22]. Логично предположить, что, получив возможность возместить свои претензии (например, выдвинув и проголосовав за предпочтительных кандидатов на выборах), вооруженные противники правительства могут предпочесть сократить свою насильственную практику и вместо этого сосредоточиться на мирных средствах ведения переговоров. Тем не менее, растет объем работ, которые противоречат этому ожиданию [18]. Наибольший источник риска в достижении мира между правительствами и их оппозиционными группами может исходить от лидеров и партий, которые считают, что мир, возникающий в результате переговоров, угрожает их власти, мировоззрению и интересам. Поэтому они активно используют насилие для подрыва попыток его достижения [7]. Отказ Ж. Савимби от выборов под наблюдением Организации объединенных наций (ООН) в Анголе в 1992 году, отказ руандийских экстремистов-хуту от Арушских мирных соглашений 1994 года и непрекращающийся терроризм ХАМАС в преддверии всеобщих выборов 1996 года в Израиле являются одними из наиболее катастрофических примеров порочного поведения, наблюдаемых в последние десятилетия.

Экстремисты могут сыграть на подозрениях между умеренными группами относительно перспектив стабильного мира. По сути, насилие используется для укрепления недоверия между правительством и умеренными. Об этом свидетельствуют всплески динамики израильско-палестинского насилия в различные периоды мирных переговоров, начиная с соглашений в Осло 1993 года, заканчивая обострением ситуации в мае 2021 года. Важно отметить, что выборы также определены как важнейшие возможности для экстремистов сорвать умеренную политику. Когда умеренные члены внутри террористических организаций воспринимаются как особо сильные, правительство теряет доверие в периоды роста насилия, потому что умеренные, по-видимому, решили не подавлять экстремистские элементы. Таким образом, хотя правительства могут рассматривать уступки как средство прекращения терроризма, они также могут стать источниками информационных проблем [18].

В целом, исходя из анализа научной литературы, можно сформулировать *первую гипотезу*: проведение правительством неограниченных выборов связано с увеличением уровня террористического насилия в недемократических странах, но снижением уровня терроризма в демократических.

Ограниченные выборы, подорванная поддержка и недовольство. В своем арсенале правительства располагают различными инструментами для ограничения участия субъектов из оппозиционного сектора и, в частности, для предотвращения конкуренции партий на выборах, которая может подорвать статус-кво [23]. Они могут полностью ограничить оппозицию, сделать незаконными новые партии (помимо действующих), ограничить выбор кандидатов в избирательном бюллетене или помешать конкретным лидерам оппозиции баллотироваться.

Несколько реальных примеров этих инструментов из базы данных «Национальных выборов в демократиях и автократиях» (NELDA) помогают подчеркнуть широко

распространенный характер этих ограничений [24]. В преддверии национальных выборов в Чехословакии 1971 и 1976 годов списки кандидатов были составлены Национальным фронтом, который представлял собой коалицию Коммунистической партии Чехословакии, Чехословацкой социалистической партии, Чехословацкой народной партии и Словацкой партии реконструкции. В 1988 году правительство Мали разрешило нескольким кандидатам фигурировать в избирательных бюллетенях. Однако, поскольку только правящая партия была законной, это означало, что все кандидаты были от одной и той же партии. Кубинские выборы 1993 и 1998 годов номинально позволили добиться большей открытости, чем на предыдущих выборах. Однако на практике только кандидатам, выдвинутым Коммунистической партией Кубы (КПК), было разрешено участвовать в выборах. Другими словами, КПК оставалась единственной законной партией в стране. Наконец, хотя в 2007 году в Бутане партии в целом считались законными, национальные выборы того года были объявлены беспартийными. Это означало, что ни одной из оппозиционных партий не было разрешено законно в них участвовать.

Обычно тесные связи между определенными политическими партиями и террористическими организациями хорошо налажены [25]. Большинство террористических групп исторически были связаны с той или иной политической партией [26]. Партии часто принимают непосредственное участие в создании своего насильственного крыла [27]. Кроме того, многие данные свидетельствуют о том, что террористические группы в значительной степени полагаются на ресурсы, полученные от связанных с ними политических организаций. Эти ресурсы включают легитимность, способность влиять на политику с помощью правовых средств и агитацию за народную поддержку от их имени [27]. Поэтому имеет смысл, что правительства предпочитали применять ограничительную практику при проведении выборов, с тем, чтобы ограничить возможности оппонентов добиваться общественной поддержки. Это делает более трудным для экстремистских оппозиционных субъектов проведение жизнеспособных атак против правительства.

Ограничения могут быть применены к политическим организациям в момент их создания или в конкретные моменты, имеющие стратегическое значение, в том числе в преддверии выборов [28]. Выборы ни в коем случае не являются единственным временем, в которое могут быть наложены ограничения на группы [29]. Однако это одна из наиболее важных возможностей для оппозиционеров получить поддержку. Предполагается, что, учитывая тесную связь между политическими партиями и террористическими организациями, запреты можно рассматривать как средство достижения двух целей, имеющих важное значение для данного исследования терроризма. Во-первых, запреты могут помочь публично делегитимизировать группы, которые поддерживают насилие или участвуют в нем. Во-вторых, запреты могут подорвать способность политических партий оказывать поддержку связанным с ними террористическим группам.

Напротив, в демократических государствах введение ограничений на участие оппозиции в выборах может рассматриваться как подрыв свободы. Соответственно, такие ограничения скорее будут иметь непреднамеренные последствия в виде возникновения недовольства. Существуют некоторые эмпирические данные, подтверждающие представление о том, что недовольство мотивирует террористическое насилие. Недопредставленность в правительстве, экономическая и этническая дискриминация могут

способствовать принятию группами решений о применении насилия [30]. Кроме того, повышение уровня примирения, включая электоральную свободу и ограничения для руководителей, может быть связано с более низким уровнем терроризма в демократических политических условиях [10].

Таким образом, следует сформулировать *вторую гипотезу*: правительственное ограничение участия оппозиционных групп в выборах связано со снижением уровня террористического насилия в недемократических странах, но с увеличением уровня терроризма в демократических.

Материалы и методы

Чтобы проверить выдвинутые гипотезы, анализируется набор данных по странам за определенные годы. Зависимая переменная «внутренний терроризм» представляет собой подсчет общего числа внутренних террористических актов, совершенных в стране в течение определенного года. Эти данные, доступные с 1970 по 2015 год, взяты из «Глобальной базы данных по терроризму» (GTD) [31]. По ее определению, «внутренний терроризм — это национальный терроризм, в котором место, цель и исполнители из одной и той же страны». В данной статье мы фокусируемся только на внутренних атаках, потому что скорее всего они будут иметь «прямые последствия только для страны-места проведения, ее институтов, граждан, собственности и политики». Однако, учитывая, что трудно провести четкое различие между внутренними и транснациональными атаками, проводится проверка надежности основных моделей работы путем замены зависимой переменной показателем для всех атак (как внутренних, так и транснациональных) [32]. Это отражено в модели 4 таблицы 2. В настоящее время GTD считается наиболее полным источником данных о терроризме. Естественно, у нее, вероятно, есть свои подводные камни. Однако она отлично подходит для целей анализа данных по глобальной выборке стран за несколько десятилетий.

Учитывая, что данные, используемые в качестве зависимой переменной, представляют собой простые подсчеты событий, в работе используется отрицательная биномиальная регрессионная модель [33]. Поскольку в данном случае среднее и стандартное отклонение зависимой переменной составляет 7,5 и 33 соответственно [34], то отрицательная биномиальная модель лучше всего подходит для анализа сверхдисперсных данных и часто используется в аналогичных исследованиях, изучающих корреляты терроризма [35].

Ключевые объясняющие переменные, фокусирующиеся на сроках и уровне ограничений выборов, взяты из базы NELDA. Этот набор данных содержит подробную информацию обо всех выборах на национальном уровне в глобальном масштабе с 1945 по 2015 год. Выборы в наборе данных включают выборы исполнительных органов (например, президента) и национальных законодательных органов (например, парламентов). Начнем с создания простой двоичной переменной «выборы», которая указывает, проводились ли в стране хотя бы одни выборы национального уровня в конкретный год. Затем используется набор данных NELDA для генерации нескольких фиктивных переменных, характеризующих относительное качество выборов. Закодируем четыре фиктивные переменные, подчеркивающие наличие или отсутствие каждого из

четырех ключевых нарушений, выявленных проектом NELDA для каждых выборов на национальном уровне в данной выборке.

1. «Оппозиция запрещена» опирается на данные *«NELDA 3: Была ли оппозиция разрешена?».* Ответ на этот вопрос кодируется в виде дихотомической переменной, меняя порядок исходного кодирования. Таким образом, переменная «1» фиксирует сценарии, в которых оппозиция НЕ была разрешена. Примерами может служить Сирия в 1990 году, Лаос в 1992 году, Нигер в 1970 году и Тунис в 1994 году.

2. «Не более одной законной партии» опирается на данные *«NELDA 4: Было ли законным более одной стороны?».* Ответ кодируется в виде дихотомической переменной, меняя исходный порядок. Таким образом, значение «1» отражает сценарии, в которых несколько политических партий считались незаконными. Например, Гаити в 1979 году и Судан в 1996 году.

3. «Нет выбора кандидатов в бюллетене» опирается на данные *«NELDA 5: Был ли выбор кандидатов в бюллетене?».* Переменная со значением «1» фиксирует сценарии, в которых не было выбора кандидатов. Например, Египет в 1993 году и Нигер в 1970 году.

4. «Лидерам оппозиции было запрещено баллотироваться» опирается на данные *«NELDA 13: Были ли лидеры оппозиции лишены возможности баллотироваться?».* Значение «1» фиксирует случаи, в которых лидерам оппозиции было запрещено баллотироваться. Например, Гватемала в 1970 году, Иран в 1997 году и Вьетнам в 2002 году.

Затем генерируется две сводные дихотомические переменные, детализирующие общие характеристики выборов. Первая из этих фиктивных переменных, «неограниченные выборы», кодируется как «1» в годы выборов, когда отсутствовали все четыре нарушения, перечисленные выше. Вторая из этих суммарных переменных, «ограниченные выборы», кодируется как «1» в годы выборов, когда присутствовало одно или несколько из четырех нарушений, перечисленных выше. Из 1 410 выборов из базы NELDA в период с 1970 по 2015 год 415 выборов считаются «ограниченными», а 995 соответствуют критериям и считаются «неограниченными».

Чтобы точно проверить гипотезы, также вводится мера типа политического режима страны. «Демократия» — это двоичная переменная, для которой значения «1» определяют демократические страны, а значения «0» — недемократические. Как отмечалось ранее, не все «неограниченные» выборы происходят в контексте демократии, и не все демократии защищены от проведения «ограниченных» выборов. Тем не менее, важно контролировать тип режима, поскольку анализ должен быть сосредоточен не только на демократиях [8]. Существует ряд источников для оценки масштабов и различий между демократическими и недемократическими режимами. В работе используются данные, собранные Д. Чейбубом, Д. Ганди и Дж. Вриландом (Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R. — CGV) [36]. В соответствии с CGV демократии определяются и кодируются как те режимы, в которых соблюдается каждое из следующих условий: избираются как законодательная, так и исполнительная власть; существует множество политических партий, находящихся вне влияния государства, и они конкурируют на этих выборах; исполнительная власть была передана мирным путем между партиями в результате выборов. Из-за этого последнего правила такие страны, как Ботсвана, ЮАР,

Мексика, на протяжении большей части периода данного исследования считаются недемократическими. В работе анализируется база CGV, а не часто используемые данные Polity, потому что последние являются эндогенными для процессов гражданского конфликта и, таким образом, не могут давать достоверно объективные результаты. Тем не менее, используется «очищенная» версия Polity – xPolity2, в которой были удалены потенциально эндогенные конфликтные элементы меры режима. Эта альтернативная переменная для типа режима вводится в качестве средства оценки надежности основных выводов.

Дополнительно контролируется целый ряд переменных, которые стали стандартными в моделях внутреннего терроризма. «Ln(ВВП на душу населения)» отражает уровень экономического развития стран. Ведь, развитые страны являются более привлекательными целями для терроризма из-за их изобилия ценных целей и обилия СМИ, освещающих каждое насильственное нападение [16]. «Ln(Население)» и «Ln(площадь)» соответственно измеряют общую численность населения и общую площадь территории государства. Обе меры обычно включаются в спецификации моделей при изучении политического насилия, поскольку они определяют более крупные страны, в которых просто больше возможностей для насилия. «Индекс Джини» является мерой распределения доходов внутри государства. Причем более высокие значения указывают на менее равное распределение доходов. Неравенство, как правило, считается потенциальным источником недовольства, лежащим в основе применения насилия [37]. «Провал государства» — это совокупность четырех показателей несостоятельности страны, полученных из оценок проекта «Political Instability Task Force». Предыдущие исследования показали, что страны, испытывающие степень государственной несостоятельности, особенно подвержены терроризму [35]. Эти показатели включают этническую войну, революции, неблагоприятную смену режима, геноцид и политические чистки.

«Холодная война» — это дихотомическая переменная, указывающая на годы холодной войны (с 1970 по 1989 гг.) как «1», а на годы периода после нее (здесь с 1990 по 2015 гг.) как «0». «Гражданская война» — это порядковый показатель того, продолжается ли в стране в данный год внутренний конфликт (кодируется как «0»), и принимает ли он форму незначительной («1»), промежуточной («2») или внутренней войны («3»). Данные взяты из «Программы данных о конфликтах Уппсалы» (UCDP), в которой внутренний вооруженный конфликт определяется как борьба между правительством и одной или несколькими внутренними оппозиционными группами, приводящая к гибели не менее 25 человек в год [38]. Эта переменная включается в анализ, поскольку предыдущие исследования показывают, что большое количество террористических атак происходит в контексте продолжающихся гражданских конфликтов [39]. «Терроризм в предыдущем году (t-1)» — это переменная, фиксирующая годовой лаг зависимой переменной. Как отмечалось ранее, террористические нападения демонстрируют четкие признаки временной автокорреляции. Эта переменная включена, чтобы это зафиксировать [16].

Результаты и обсуждение

Прежде чем исследовать взаимосвязь между выборами, ограничениями и риском внутреннего терроризма в условиях многомерной регрессии, сначала необходимо оценить

эту взаимосвязь с помощью описательной статистики. Единицы наблюдения за год в полной выборке в среднем показывают чуть менее 7,5 внутренних террористических нападений. Данное среднее значение несколько ниже и составляет около 6,6 % за годы без выборов в стране (около 78 % общей выборки). В отличие от этого результата, в странах с выборами (примерно 22 % выборки) в среднем происходит 10,8 нападений. Когда страновые годы с выборами дезагрегируются на неограниченные выборы (около 15 % выборки) и ограниченные (около 7 % выборки), становятся видны средние значения 12,8 и 5,8 атак соответственно.

Рассмотрим тот же набор средних значений, но на этот раз проведем различие между демократическими и недемократическими странами. В годы, не связанные с выборами, в демократиях наблюдается более высокий уровень насилия, чем в недемократиях (11,8 нападений по сравнению с 4). В годы выборов также наблюдается более высокий уровень насилия в демократических странах, чем в недемократических (13,7 и 7,6 нападений). Кроме того, разрыв становится еще больше, когда сравниваются ограниченные выборы: демократии испытывают 16,5 атак по сравнению с 4,8 в недемократиях. Все три эти тенденции согласуются с основными выводами исследований, касающихся взаимосвязи демократии и терроризма. Однако, когда сравниваются годы выборов без ограничений, соотношение не столь резко, и демократии испытывают 13,5 атак по сравнению с 11,1 атаками для недемократических стран. Другими словами, средние значения согласуются с гипотезами.

Таблица 1

Влияние выборов на террористические события за 1970–2015 годы

Переменные	**Модель 1**	**Модель 2**	**Модель 3**
Выборы	0,213*(0,111)		
Неограниченные выборы		0,377***(0,123)	0,872***(0,243)
Ограниченные выборы		–0,346**(0,143)	–0,494***(0,162)
Демократия	0,576***(0,185)	0,532***(0,185)	0,618***(0,210)
Неограниченные выборы*Демократия			–0,773***(0,273)
Ограниченные выборы*Демократия			1,065***(0,338)
Ln(ВВП на душу нас.), t-1	0,235***(0,078)	0,235***(0,077)	0,245***(0,076)
Ln(Население)	0,686***(0,102)	0,683***(0,100)	0,691***(0,098)
Ln(Площадь)	–0,160*(0,082)	–0,159**(0,080)	–0,157**(0,078)
Индекс Джини	0,037***(0,012)	0,038***(0,012)	0,039***(0,012)
Провал государства	0,200***(0,055)	0,197***(0,054)	0,200***(0,055)
Холодная война	–0,256**(0,130)	–0,241*(0,128)	–0,230*(0,125)
Гражданская война	0,377***(0,098)	0,390***(0,097)	0,389***(0,097)
Терроризм в предыдущем году, t-1	0,031***(0,006)	0,031***(0,006)	0,031***(0,006)
Константа	–2,862***(1,049)	–2,904***(1,043)	–3,083***(1,027)
AIC	16,209	16,193	16,174
Число наблюдений	4 814	4 814	4 814

Примечание: $p < 0{,}05$*, $p < 0{,}01$**, $p < 0{,}001$***.

Были разработаны три модели. Результаты этих моделей подробно представлены в таблице 1. Тестовые гипотезы предполагают интерактивную взаимосвязь между характером избирательных ограничений и типом режима страны, проводящей выборы. Прежде чем исследовать этот интерактивный эффект, сначала изучается влияние выборов на всю выборку стран. Модель 1 включает в себя двоичную переменную «выборы», которая указывает, состоялись ли хоть одни выборы на национальном уровне в данной стране в определенном году. Предыдущие исследования на эту тему заставили предположить, что годы выборов более подвержены терроризму, чем годы без выборов [21]. Показатель дает положительный коэффициент, но совсем немного ниже допустимого уровня значимости ($p > 0{,}05$). Другими словами, результат слабо согласуется с ожиданиями от тезиса о террористическом подрыве выборов. Анализ, проведенный после оценки, показывает, что в годы проведения выборов в стране число внутренних террористических нападений будет на 24 % выше, чем в годы без выборов. Для оценки существенных эффектов в соответствующих моделях используется команда «listcoef» в Stata.

Однако весьма вероятно, что тип выборов имеет важное значение для того, будут ли годы проведения выборов связаны с увеличением или уменьшением уровня терроризма. Таким образом, модель 2 включает показатели того, были ли выборы неограниченными или ограниченными. Причем в качестве эталонной категории выступают годы без выборов. В данной модели не обращается внимание на тип режима. Скорее, эта модель используется для изучения глубинных последствий ограничений на участие оппозиционных субъектов в выборах. Положительная и статистически значимая оценка коэффициента переменной «неограниченные выборы» в модели 2 дает некоторую первоначальную поддержку утверждению о том, что выборы, в которых участие оппозиции было неограниченным, приводят к росту терроризма. Это может отражать тенденцию экстремистов стремиться испортить мирные возможности для реализации умеренной политики. Напротив, отрицательная и статистически значимая оценка коэффициента переменной «ограниченные выборы» в модели 2 предполагает, что выборы с ограниченным участием оппозиции связаны со снижением уровня терроризма, вероятно, потому, что правительственные ограничения снижают возможность получения поддержки от умеренных до экстремистских элементов оппозиционного сектора. По существу, эти результаты показывают, что страны в годы с ограниченными выборами испытывают на 29 % меньше атак, чем в годы без выборов, в то время как в годы с неограниченными выборами государства испытывают на 43 % больше атак, чем в годы без выборов.

Две гипотезы говорят не только об ограничениях на участие оппозиции в выборах, но и о типе режима страны, проводящей выборы. Соответственно, в модели 3 вводятся переменные взаимодействия между типом выборов и типом режима. В частности, рассматривается взаимодействие «неограниченных» и «ограниченных выборов» с бинарным индикатором «демократии». Поскольку каждая из этих независимых переменных является дихотомической и каждая имеет много нулевых значений, можно предложить некоторую предварительную интерпретацию полученных оценок параметров. Оценка коэффициента по параметру «неограниченные выборы» положительна и статистически значима. Это показывает, что в отсутствие демократии проведение неограниченных выборов связано с увеличением ожидаемого числа внутренних террористиче-

ских нападений. Напротив, проведение ограниченных выборов, по-видимому, связано с увеличением уровня нападений в этой же группе недемократических стран. По существу, эти оценки подразумевают, что недемократические страны, проводящие неограниченные выборы, как ожидается, испытают на 139 % больше атак, чем в годы без выборов. В странах, проводящих ограниченные выборы, будет наблюдаться на 39 % меньше нападений, чем в годы без выборов. Модель также отражает то, что демократии столкнутся с терроризмом на 86 % чаще в годы, не связанные с выборами (эталонная категория), чем недемократии. Это говорит о правдоподобии результатов в целом.

Полные результаты модели 3, возможно, будут лучше поняты с помощью визуализации на рисунке.

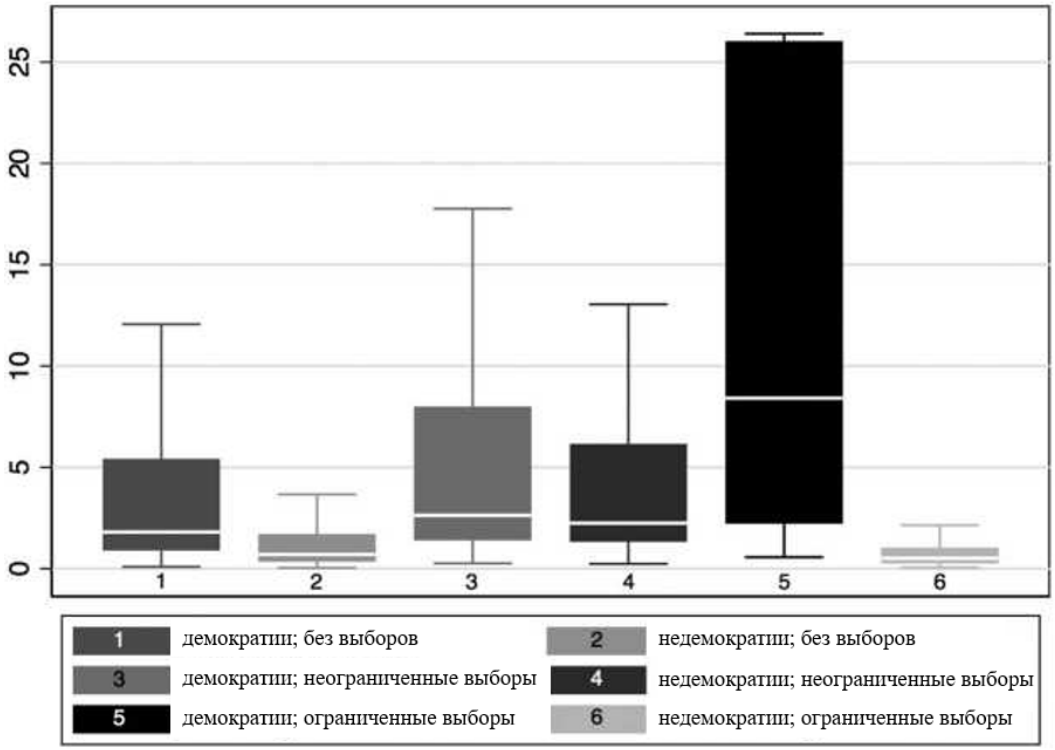

Рисунок. ***Прогнозируемое число случаев внутреннего терроризма (модель 3)***

На рисунке можно сравнить прогнозируемое количество внутренних террористических атак в шести условиях: 1) демократии в годы выборов; 2) недемократии в годы без выборов; 3) демократии в годы с неограниченными выборами; 4) недемократии в годы с неограниченными выборами; 5) демократии в годы с ограниченными выборами; 6) недемократии в годы с ограниченными выборами. Все условия показаны в соответствующем порядке слева направо по оси *x*. Каждое из них отображается в виде ящичковой диаграммы с прогнозируемым количеством, выделенным горизонтальной белой линией, окруженной диапазонами квартилей. Этот рисунок наглядно демонстрирует, что недемократические страны в годы с неограниченными выборами (ящик 4) имеют более высокое прогнозируемое число нападений, чем в годы без выборов

(ящик 2) или годы с ограниченными выборами (ящик 6). Напротив, демократические страны в годы с неограниченными выборами (ящик 3) имеют заметно более низкие уровни атак, чем в годы с ограниченными выборами (ящик 5). Это последнее условие, хотя и редко встречающееся (чуть менее чем в 5 % демократических выборов), согласуется с преобладающими выводами научной литературы о более широкой взаимосвязи между демократией и терроризмом. Другими словами, тесты показывают, что, возможно, эта более общая взаимосвязь обусловлена этими относительно редкими эпизодами, когда демократические нормы нарушаются демократическими правительствами. Каждое из наблюдений на этом графике согласуется с выдвинутыми гипотезами.

Каждый из параметров, представляющих наши контрольные переменные, дает оценки коэффициентов, которые соответствуют ожиданиям, сформулированным в существующей литературе. Возможно, наиболее важно то, что данные выводы остаются верными даже с учетом того, является ли данное государство демократией или нет. В то время как демократические страны неизменно чаще сталкиваются с террористическими угрозами, этот эффект, по-видимому, не является единственным фактором, определяющим полученные результаты. Кроме того, обнаруживается, что богатые, более густонаселенные, неравномерно структурированные, несостоятельные, подверженные гражданским конфликтам и исторически склонные к терроризму государства с большой долей вероятности столкнутся с высоким уровнем терроризма по сравнению с государствами, не имеющими этих характеристик. Интересно, что государства, занимающие большие территории с незначительной вероятностью столкнутся с несколько более низким уровнем внутреннего терроризма. При этом в период холодной войны вероятность террористических нападений была несколько меньше, чем во все последующие годы.

Проверка надежности. Чтобы продемонстрировать надежность этих эмпирических результатов, предлагается четыре дополнительных спецификации модели. Они подробно описаны в таблице 2.

Во-первых, стандартная зависимая переменная заменяется подсчетом всех террористических нападений (внутренних и транснациональных), которые имели место в стране в данном году. Хотя логика исследования должна наиболее непосредственно применяться к внутренним политическим процессам и, следовательно, быть наиболее актуальной для внутренних групп, совершающих нападения на местное население. Необходимо признать, что несовершенство измерения того, что считается внутренним, и того, что считается транснациональным терроризмом, может повлиять на полученные выводы. Модель 4 представляет результаты с более полной зависимой переменной. Здесь снова обнаруживается, что, когда демократия равна «0» (то есть при удалении недемократических стран), наблюдается положительная статистически значимая оценка параметра для неограниченных выборов и отрицательная статистически значимая оценка для ограниченных выборов. Другими словами, были получены доказательства в соответствии с гипотезами статьи.

Во-вторых, как уже упоминалось ранее, бинарная переменная оценки демократии/недемократии заменяется масштабированной альтернативой. Это модель 5. В частности, используется мера xPolity, которая колеблется от –6 (наиболее авторитарная) до

7 (наиболее демократическая). Учитывая непрерывный характер этой переменной, попытаемся визуализировать интерактивный эффект между типом режима и типами выборов. По мере повышения уровня демократии в стране снижается влияние неограниченных выборов на уровень терроризма. Это согласуется с первой гипотезой.

Таблица 2

Влияние выборов на террористические события в 1970–2015 гг. для проверки надежности

Переменные	Модель 4 (все теракты)	Модель 5 (xPolity)	Модель 6 (90 дней перед)	Модель 7 (90 дней после)
Неограниченные выборы	0,514**(0,241)	0,637***(0,219)	0,863***(0,309)	0,972***(0,350)
Ограниченные выборы	–0,336**(0,164)	–0,192(0,154)		
Демократия	0,525*** (0,156)	0,086**(0,024)	0,540(0,419)	0,752*(0,442)
Неограниченные выборы*Демократия	–0,247 (0,280)	–0,090**(0,038)	–0,678*(0,380)	–0,968**(0,392)
Ограниченные выборы*Демократия	0,679**(0,343)	0,079**(0,040)		
Ln(ВВП на душу нас.), t-1	0,182***(0,058)	0,295***(0,072)	0,259**(0,105)	0,369***(0,095)
Ln(Население)	0,366***(0,069)	0,658***(0,100)	0,755***(0,141)	0,550***(0,137)
Ln(Площадь)	–0,078 (0,054)	–0,222**(0,079)	–0,218*(0,117)	–0,080 (0,109)
Индекс Джини	0,027***(0,010)	0,043***(0,012)	0,043**(0,019)	0,042**(0,016)
Провал государства	0,150***(0,040)	0,198***(0,050)	0,155**(0,079)	0,161**(0,068)
Холодная война	–0,748**(0,126)	–0,140 (0,127)	0,456*** (0,174)	0,417**(0,167)
Гражданская война	0,279*** (0,082)	0,398***(0,088)	0,651*** (0,127)	0,735***(0,114)
Терроризм в предыдущем году, t-1	0,027***(0,004)	0,029***(0,006)		
Константа	–1,395(0,845)	–2,614***(0,997)	–4,218**(1,679)	–6,448***(1,376)
AIC	21 236,73	15 550,02	3 958,81	3 654,48
Число наблюдений	4 801	4 334	1 548	1 548

Также существует незначительное влияние ограниченных выборов на количество внутренних террористических актов по мере повышения демократии от наиболее авторитарного до наиболее демократического. По мере повышения уровня демократии в стране возрастает влияние ограниченных выборов на уровень терроризма. Другими словами, среди наименее демократических государств ограничения на участие в выборах оказывают сдерживающее воздействие на уровень терроризма, что согласуется со второй гипотезой.

Полученные результаты убедительно демонстрируют, что изменение уровней ограничений выборов оказывает существенное влияние на наблюдаемый риск внутреннего терроризма. Однако данные тесты не затронули вопрос о точном времени нападений в связи с выборами. Исследования показывают, что подготовка к выборам особенно подвержена террористическому насилию [10]. Хотя данная статья не имеет прямого отношения к вопросу о сроках и о том, следует ли ожидать большего или меньшего числа нападений в преддверии выборов или после них, тем не менее это интересный

вопрос, который требует некоторого рассмотрения. Была создана серия новых версий зависимой переменной, подсчитывающих общее количество внутренних атак в стране за 30, 90, 180 и 360 дней до и после каждых выборов. Затем регрессионный анализ был повторен с этими восемью новыми зависимыми переменными. В таблице 2 в моделях 6 и 7 просто представлены результаты для 90-дневных окон. В каждом случае в спецификацию включается показатель неограниченных выборов, который оставляет ограниченные выборы в качестве эталонной категории.

Очевидно то, что противоречивые выводы о неограниченных и ограниченных выборах справедливы как до, так и после выборов в недемократической среде. В частности, можно отметить, что в недемократических странах соответственно на 137 и 164 % больше случаев терроризма в течение 30 дней до и после неограниченных выборов по сравнению с ограниченными. Этот временной согласованный эффект остается независимо от длины окна, которое используется до и после каждых выборов. Другими словами, вывод согласуется с предыдущими исследованиями, показывающими, что террористическое насилие приближается к нормальному распределению с центром на дате выборов [6]. В данном случае создается впечатление, что то, привлекут ли выборы больше или меньше атак, зависит не столько от времени их проведения, сколько от их относительной ограниченности.

Выводы

В этом исследовании была представлена попытка определить, влияет ли относительная ограниченность участия оппозиции в выборах на уровень насилия, совершаемого негосударственными субъектами как в демократических, так и в недемократических странах. Статья предлагала простую теоретическую логику, в которой стратегическое взаимодействие между правительством и экстремистскими элементами в оппозиционном секторе определяет уровень внутреннего терроризма, наблюдаемого в государстве в течение определенного года. Ожидалось, что неограниченные выборы будут связаны с более высоким уровнем терроризма в недемократических странах и более низким уровнем терроризма в демократических. При этом в случае ограниченных выборов будет происходить ровно обратное. Серия регрессионных анализов дает достаточно доказательств этих двух гипотез. Во-первых, демонстрируется тенденция к тому, что воинствующие экстремисты пытаются испортить формирующуюся умеренную политику между правительством и договороспособными элементами оппозиционного сектора в недемократических странах. Во-вторых, также обнаружились доказательства потенциальной возможности ограничений выборов в целях снижения возможности получения народной поддержки экстремистам в недемократических странах.

Эти выводы важны и дают дополнительное представление о внутреннем терроризме в условиях и контексте выборов. Возможно и неожиданно, что ситуации, в которых формирующиеся или нелиберальные демократические правительства пытаются способствовать инклюзивным выборам, на самом деле являются наиболее подверженными риску террористического насилия. Естественно, важно оценить эти выводы сквозь призму более широкой сравнительной литературы о выборах и различных фор-

мах политического насилия, а не рассматривать их изолированно только в отношении террористического насилия. Кроме того, политические последствия сложны, но их не следует игнорировать. Хотя свободные и справедливые выборы должны поощряться в недемократических условиях, силы безопасности, как внутренние, так и международные, должны предвидеть, что такие события могут быть особенно подвержены актам внутреннего терроризма. Может показаться, что результаты исследования предполагают, что правительству выгодно просто ограничить участие оппозиции. Однако не стоит делать каких-либо поспешных выводов. Действительно, полученные результаты для демократий предполагают, что введение ограничений на выборах приведет к неожиданным последствиям. Например, можно ожидать, что законодательное ограничение кандидатов на выборах может спровоцировать более массовые формы сопротивления, включая протестные движения. При этом возможны даже более масштабные насильственные беспорядки.

Естественно, есть основания подозревать, что не все демократии или недемократии, а также не все оппозиционные группы в равной степени подвержены влиянию ограничений на выборы. Соответственно, в будущих исследованиях было бы полезно изучить, объясняют ли различия в типе недемократического режима (например, сравнение однопартийных, военных и персоналистских форм авторитаризма) дальнейшие различия в наблюдаемых уровнях терроризма с учетом ограничений на выборах. Кроме того, представляется вероятным, что организационная близость оппозиционной группы к существующим политическим партиям также может повлиять на применение ею насилия в период выборов.

Список источников

[1] Коротаев, А. Демократия и терроризм : новый взгляд на старую проблему / А. Коротаев, И. Васькин, Д. Романов. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-9-48. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 9–48.

[2] Прошин, Д. В. Терроризм в контексте демократических транзитов / Д. В. Прошин. – Текст : непосредственный // Гилея : научный вестник. – 2014. – № 90. – С. 342–348.

[3] Davenport, C. Liberalizing Event or Lethal Episode? : An Empirical Assessment of How National Elections Affect the Suppression of Political and Civil Liberties / C. Davenport. – Direct text // Social Science Quarterly. – 1998. – Vol. 79, Issue 2. – P. 321–340.

[4] Heger, L. L. Votes and violence : Pursuing terrorism while navigating politics / L. L. Heger. – DOI 10.1177/0022343314552984. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2015. – Vol. 52, Issue 1. – P. 32–45.

[5] Brancati, D. Rushing to the Polls : The Causes of Premature Postconflict Elections / D. Brancati, J. L. Snyder. – DOI 10.1177/0022002711400863. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2011. – Vol. 55, Issue 3. – P. 469–492.

[6] Newman, L. S. Do Terrorist Attacks Increase Closer to Elections? / L. S. Newman. – DOI 10.1080/09546553.2013.733247. – Direct text // Terrorism and Political Violence. – 2013. – Vol. 25, Issue 1. – P. 8–28.
[7] Stedman, S. J. Spoiler Problems in Peace Processes / S. J. Stedman. – Direct text // International Security. – 1997. – Vol. 22, Issue 2. – P. 5–53.
[8] Li, Q. Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? / Q. Li. – DOI 10.1177/0022002704272830. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2005. – Vol. 49, Issue 2. – P. 278–297.
[9] Манукян, А. Р. Противодействие терроризму в условиях развитой демократии / А. Р. Манукян. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2018. – № 2. – С. 180–182.
[10] Aksoy, D. Elections and the Timing of Terrorist Attacks / D. Aksoy. – DOI 10.1017/S0022381614000504. – Direct text // Journal of Politics. – 2014. – Vol. 76, Issue 4. – P. 899–913.
[11] Young, J. K. Veto players and terror / J. K. Young, L. Dugan. – DOI 10.1177/0022343310386269. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 1. – P. 19.
[12] Джонмахмадов, Ф. Ф. Политический терроризм как основной метод деятельности террористической и экстремистской организации партия Исламского возрождения / Ф. Ф. Джонмахмадов. – Текст : непосредственный // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2020. – № 2. – С. 160–166.
[13] Aksoy, D. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups / D. Aksoy, D. B. Carter. – DOI 10.1017/S0007123412000282. – Direct text // British Journal of Political Science. – 2014. – Vol. 44, Issue 1. – P. 181–204.
[14] Foster, D. M. There Can Be No Compromise : Institutional Inclusiveness, Fractionalization, and Domestic Terrorism / D. M. Foster, A. Braithwaite, D. A. Sobek. – DOI 10.1017/S0007123412000464. – Direct text // British Journal of Political Science. – 2013. – Vol. 43, Issue 3. – P. 541–557.
[15] Conrad, C. R. Tyrants and Terrorism : Why Some Autocrats Are Terrorized While Others are Not / C. R. Conrad, J. Conrad, J. K. Young. – DOI 10.1111/isqu.12120. – Direct text // International Studies Quarterly. – 2014. – Vol. 58, Issue 3. – P. 539–549.
[16] Wilson, M. C. Autocracies and Terrorism : Conditioning Effect of Authoritarian Regime Type on Terrorist Attacks / M. C. Wilson, J. A. Piazza. – DOI 10.1111/ajps.12028. – Direct text // American Journal of Political Science. – 2013. – Vol. 57, Issue 4. – P. 941–955.
[17] Chenoweth, E. Terrorism and Democracy / E. Chenoweth. – DOI 10.1146/annurev-polisci-032211-221825. – Direct text // Annual Review of Political Science. – 2013. – Vol. 16. – P. 355–378.
[18] Walter, B. F. Bargaining Failures and Civil War / B. F. Walter. – DOI 10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301. – Direct text // Annual Review of Political Science. – 2009. – Vol. 12. – P. 243–261.

[19] Moore, W. H. Repression and Dissent : Substitution, Context, and Timing / W. H. Moore. – DOI 10.2307/2991732. – Direct text // American Journal of Political Science. – 1998. – Vol. 42, Issue 3. – P. 851–873.
[20] Горовиц, Д. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Горовиц ; перевод Р. Э. Бараш. – Текст : непосредственный // Власть. – 2007. – № 6. – С. 35–41.
[21] Mesquita, E. B. The Quality of Terror / E. B. Mesquita. – DOI 10.1111/j.1540-5907.2005.00139.x. – Direct text // American Journal of Political Science. – 2005. – Vol. 49, Issue 3. – P. 515–530.
[22] Журавель, В. П. Итоги парламентских выборов и влияние терроризма на избирателей Франции / В. П. Журавель. – Текст : непосредственный // Выборы во Франции 2017 г. : итоги и перспективы. Том 347. – Москва, 2017. – С. 45–50. – (Доклады Института Европы).
[23] Колотков, М. Б. Терроризм и государство : технология конфликта : монография / М. Б. Колотков. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 183 с. – Текст : непосредственный.
[24] National Elections Across Democracy and Autocracy. – URL: https://nelda.co/# (date of the application: 20.06.2022). – Text : electronic.
[25] Piazza, J. A. Terrorism and Party Systems in the States of India / J. A. Piazza. – DOI 10.1080/09636410903546673. – Direct text // Security Studies. – 2010. – Vol. 19, Issue 1. – P. 99–123.
[26] Altier, M. B. Introduction to the Special Issue on Violence, Elections, and Party Politics / M. B. Altier, S. Martin, L. B. Weinberg. – DOI 10.1080/09546553.2013.733241. – Direct text // Terrorism and Political Violence. – 2013. – Vol. 25, Issue 1. – P. 1–7.
[27] Джармокова, Ж. А. Терроризм как канал трансляции политических интересов / Ж. А. Джармокова. – Текст : непосредственный // Kant. – 2013. – № 3 (9). – С. 148–150.
[28] Bourne, A. K. Democratization and the illegalization of political parties in Europe / A. K. Bourne. – DOI 10.1080/13510347.2011.626118. – Direct text // Democratization. – 2012. – Vol. 19, Issue 1. – P. 1–21.
[29] Ethnic Party Bans in Africa : A Research Agenda / M. Basedau, M. Bogaards, C. Hartmann, P. Niesen. – DOI 10.1017/S2071832200005812. – Direct text // German Law Journal. – 2007. – Vol. 8, Issue 6. – P. 617–634.
[30] Piazza, J. A. Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism / J. A. Piazza. – DOI 10.1177/0022343310397404. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 3. – P. 339–353.
[31] Global Terrorism Database. – URL: https://www.start.umd.edu/gtd/ (date of the application: 06.20.2022). – Text : electronic.
[32] Calle, L. Rebels without a Territory : An Analysis of Nonterritorial Conflicts in the World, 1970–1997 / L. Calle, I. Sanchez-Cuenca. – DOI 10.1177/0022002711431800. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2012. – Vol. 56, Issue 4. – P. 580–603.
[33] Enders, W. Domestic versus transnational terrorism : Data, decomposition, and dynamics / W. Enders, T. Sandler, K. Gaibulloev. – DOI 10.1177/0022343311398926. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 3. – P. 319-337.

[34] Егорова, Е. В. Применение модели Пуассона для анализа панельных данных / Е. В. Егорова, М. В. Радионова. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. – 2019. – № 3. – С. 350–361.
[35] Piazza, J. A. Incubators of Terror : Do Failed and Failing States Promote Transnational Terrorism? / J. A. Piazza. – DOI 10.1111/j.1468-2478.2008.00511.x. – Direct text // International Studies Quarterly. – 2008. – Vol. 52, Issue 3. – P. 469–488.
[36] Cheibub, J. A. Democracy and dictatorship revisited / J. A. Cheibub, J. Gandhi, J. R. Vreeland. – DOI 10.1007/s11127-009-9491-2. – Direct text // Public Choice. – 2010. – Vol. 143, Issue 1. – P. 67–101.
[37] Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр ; перевод В. Анурина. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 464 с. – (Мастера социологии). – Перевод изд.: Why people Rebel / Ted Robert Gurr. New York, 1970. – Текст : непосредственный.
[38] Harbom, L. Armed Conflicts, 1946–2009 / L. Harbom, P. Wallensteen. – DOI 10.1177/0022343310376887. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2010. – Vol. 47, Issue. 4. – P. 501–509.
[39] Findley, M. G. Terrorism and Civil War : A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem / M. G. Findley, J. K. Young. – DOI 10.1017/S1537592712000679. – Direct text // Perspectives on Politics. – 2012. – Vol. 10, Issue 2. – P. 285–305.

References

[1] Korotayev, A., Vas'kin, I., & Romanov, D. (2019). Democracy and terrorism: a re-analysis. Russian sociological review, 18(3), pp. 9-48. (In Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2019-3-9-48
[2] Proshin, D. V. (2014). Terrorizm v kontekste demokraticheskih tranzitov. Gileya: nauchnyy vestnik, (90), pp. 342-348. (In Russian).
[3] Davenport, K. (1998). Liberalizing Event or Lethal Episode?: An Empirical Assessment of How National Elections Affect the Suppression of Political and Civil Liberties. Social Science Quarterly, 79(2), pp. 321-340. (In English).
[4] Heger, L. L. (2015). Votes and violence: Pursuing terrorism while navigating politics. Journal of Peace Research, 52(1), pp. 32-45. (In English). DOI: 10.1177/0022343314552984
[5] Brancati, D., & Snyder, J. L. (2011). Rushing to the Polls: The Causes of Premature Post-Conflict Elections. Journal of Conflict Resolution, 55(3), pp. 469-492. (In English). DOI: 10.1177/0022002711400863
[6] Newman, L. S. (2013). Do Terrorist Attacks Increase Closer to Elections? Terrorism and Political Violence, 25(1), pp. 8-28. (In English). DOI: 10.1080/09546553.2013.733247
[7] Stedman, S. J. (1997). Spoiler Problems in Peace Processes. International Security, 22(2), pp. 5-53. (In English).
[8] Li, Q. (2005). Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? Journal of Conflict Resolution, 49(2), 278-297. (In English). DOI: 10.1177/0022002704272830

[9] Manukyan, A. R. (2018). Counteraction to terrorism in the conditions of the developed democracy. Sotsial'no-politicheskie nauki, (2), pp. 180-182. (In Russian).
[10] Aksoy, D. (2014). Elections and the Timing of Terrorist Attacks. Journal of Politics, 76(4), pp. 899-913. (In English). DOI: 10.1017/S0022381614000504
[11] Young, J. K., & Dugan, L. (2011). Veto players and terror. Journal of Peace Research, 48(1), p. 19. (In English). DOI: 10.1177/0022343310386269
[12] Johnmakhmadov, F. F. (2020). Political terrorism as the main method of activity of the terrorist and extremist organization the Islamic Renaissance Party. Proceedings of the institute of philosophy, political science and law named after A. Bahovaddinov of the national academy of sciences of Tajikistan, (2), pp. 160-166. (In Russian).
[13] Aksoy, D., & Carter, D. B. (2014). Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups. British Journal of Political Science, 44(1), pp. 181-204. (In English). DOI: 10.1017/S0007123412000282
[14] Foster, D. M., Braithwaite, A., & Sobek, D. A. (2013). There Can Be No Compromise: Institutional Inclusiveness, Fractionalization, and Domestic Terrorism. British Journal of Political Science, 43(3), pp. 541-557. (In English). DOI: 10.1017/S0007123412000464
[15] Conrad, C. R., Conrad, J., & Young, J. K. (2014). Tyrants and Terrorism: Why Some Autocrats Are Terrorized While Others Are Not. International Studies Quarterly, 58(3), pp. 539-549. (In English). DOI: 10.1111/isqu.12120
[16] Wilson, M. K., & Piazza, J. A. (2013). Autocracies and Terrorism: Conditioning Effect of Authoritarian Regime Type on Terrorist Attacks. American Journal of Political Sciences, 57(4), pp. 941-955. (In English). DOI: 10.1111/ajps.12028
[17] Chenoweth, E. (2013). Terrorism and Democracy. Annual Review of Political Science, 16, pp. 355-378. (In English). DOI: 10.1146/annurev-polisci-032211-221825
[18] Walter, B. F. (2009). Bargaining Failures and Civil War. Annual Review of Political Science, 12, pp. 243-261. (In English). DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301
[19] Moore, W. H. (1998). Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing. American Journal of Political Sciences, 42(3), pp. 851-873. (In English). DOI: 10.2307/2991732
[20] Gorovits, D. (2007). Structure and strategy of ethnic conflict. Vlast', (6), pp. 35-41. (In Russian).
[21] Mesquita, E. B. (2005). The Quality of Terror. American Journal of Political Sciences, 49(3), pp. 515-530. (In English). DOI: 10.1111/j.1540-5907.2005.00139.x
[22] Zhuravel, V. P. (2017). The results of the parliamentary elections and impact of terrorism on the frenchvoters. Elections in France – 2017: Results and Perspectives, 347, pp. 45-50.
[23] Kolotkov, M. B. (2017). Terrorizm i gosudarstvo: tekhnologiya konflikta. Moscow, Yurlitinform Publ., 183 p. (In Russian).
[24] National Elections Across Democracy and Autocracy. (In English). Available at: https://nelda.co/#
[25] Piazza, J. A. (2010). Terrorism and party systems in the States of India. Security Studies, 19(1), pp. 99-123. (In English). DOI: 10.1080/09636410903546673

[26] Altier, M. B., Martin, S., & Weinberg, L. B. (2013). Introduction to a Special Issue on Violence, Elections, and Party Politics. Terrorism and Political Violence, 25(1), pp. 1-7. (In English). DOI: 10.1080/09546553.2013.733241
[27] Dzharmokova, Zh. A. (2013). Terrorism as channel of translation of political interests. Kant, (3(9)), pp. 148-150. (In Russian).
[28] Bourne, A. K. (2012). Democratization and illegalization of political parties in Europe. Democratization, 19(1), pp. 1-21. (In English). DOI: 10.1080/13510347.2011.626118
[29] Basedau, M., Bogaards, M., Hartmann, Ch., & Niesen, P. (2007). Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda. German Law Journal, 8(6), pp. 617-634. (In English). DOI: 10.1017/S2071832200005812
[30] Piazza, J. A. (2011). Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism. Journal of Peace Research, 48(3), pp. 339-353. (In English). DOI: 10.1177/0022343310397404
[31] Global Terrorism Database. (In English). Available at: https://www.start.umd.edu/gtd/
[32] Calle, L., & Sanchez-Cuenca, I. (2012). Rebels without a Territory: An Analysis of Non-territorial Conflicts in the World, 1970-1997. Journal of Conflict Resolution, 56(4), pp. 580-603. (In English). DOI: 10.1177/0022002711431800
[33] Enders, W., Sandler, T., & Gaibulloev, Kh. (2011). Domestic versus transnational terrorism: Data, decomposition, and dynamics. Journal of Peace Research, 48(3), pp. 319-337. (In English). DOI: 10.1177/0022343311398926
[34] Egorova, E. V., & Radioniva, M. V. (2019). Application of the Poisson model for analysis of panel data. International Journal of Applied Sciences and Technology Integral, (3), pp. 350-361. (In Russian).
[35] Piazza, J. A. (2008). Incubators of Terror: Do Failed and Failing States Promote Transnational Terrorism? International Studies Quarterly, 52(3), pp. 469-488. (In English). DOI: 10.1111/j.1468-2478.2008.00511.x
[36] Cheybub, J. A., Gandhi, J., & Vreeland, J. R. (2010). Democracy and dictatorship revisited. Public Choice, 143(1), pp. 67-101. (In English). DOI: 10.1007/s11127-009-9491-2
[37] Gurr, T. R. (1970). Why people Rebel. New York, Routledge, 440 p. (In English).
[38] Harbom, L., & Wallensteen, P. (2010). Armed Conflicts, 1946-2009. Journal of Peace Research, 47(4), pp. 501-509. (In English). DOI: 10.1177/0022343310376887
[39] Findlay, M. G., & Young, J. K. (2012). Terrorism and Civil War: A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem. Perspectives on Politics, 10(2), pp. 285-305. (In English). DOI: 10.1017/S1537592712000679

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.
The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.